

В.Марциняк

ПРИВАТИЗАЦИЯ, МОДЕРНИЗАЦИЯ И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ*

* Перевод
с польского –
И.С. Яжборовской.

¹ Staniszkis J.
*Polityka postkomu-
nistskiej instytucjo-
nalisacji w perspekty-
wie historycznej //*
*Studia Polityczne. W-
wa. 1996. N5. S.105.*

² Ср. Фадин А. *Мо-
дернизация через ка-
тастрофу? (Не бо-
лее чем взгляд...)//*
*Иное. Хрестоматия
нового россий-
ского самосознания.*
Т.1. Россия как
предмет. М., 1995.
С.323–342.

**Трансформация
системы –
приватизация
и модернизация**

В середине 80-х годов в Советском Союзе была предпринята попытка модернизации по классической для России схеме политических изменений сверху. Государственная власть взяла на себя роль катализатора общественных преобразований. Создавая условия для стремительной трансформации общества, формирования новой социальной структуры, власть стремилась обойтись без политической революции, без скоропалительной замены основных политических институтов – коммунистической партии и ее империи, то есть Советского Союза. Стратегия реформы заключалась в создании «другой стороны» жизни целостного и одновременно ускоренными темпами развивающегося общества¹. Тем самым реформаторы игнорировали факт дифференциации советского социума, в котором «другая сторона» издавна существовала в виде осознавших свои интересы социальных слоев – номенклатуры и среднего класса. Вслед за А.Фадиным² я считаю, что сопротивление номенклатуры, политический бунт среднего класса и политическая слабость реформаторов стали причиной кризиса перестройки. В этом смысле она была неудачной, а скорее, проигранной попыткой модернизации сверху.

В постсталинский период советская номенклатура достигла такой степени зрелости и независимости от центральных властей, при которой любая реформа, противоречащая ее интересам, была невозможна. Руководители предприятий и властные структуры на местах, реально распоряжающиеся государственной собственностью, добивались легитимизации своего статуса хозяев государства. Другими словами, уже в конце 80-х годов номенклатура стремилась конвертировать власть в статус, а затем статус в капитал и собственность.

Эволюционные изменения, постепенная реформа системы блокировали эти устремления, так как означали сохранение жесткой иерархии элит на политическом уровне, а особенно на уровне государственно-национальном. Последнее было неприемлемо в регионах, поскольку там коммунистическая партия фактически опиралась на традиционные институты – кланы и землячества. Действительно, как писал А.Фадин, «класс власти» оказался сильнее «власти класса».

Следует отметить, что социокультурная эволюция номенклатуры, начавшаяся с уничтожения традиционных ценностей предреволюционного общества, а завершившаяся их усвоением, прогнозировалась некоторыми коммунистическими идеологами в связи, например, с критикой новой экономической политики. Об этом писали еще Н.Бухарин, когда предсказывал «вырождение диктатуры пролетариата», И.Эренбург в уже забытой повести «День второй», выдающийся политик-эмигрант Н.Устрялов³.

³ Концепции Н.Устрялова легли в основу ряда справок, подготовленных для властей группой молодых экспертов, изданных затем под псевдонимом «С.Платонов». См.: Платонов С. После коммунизма. М., 1990.

Советский средний класс, включающий народную «интеллигенцию», инженеров и квалифицированных рабочих, численно вырос в связи с участием империи в гонке вооружений и реализацией общей концепции развития Советского Союза, отраженной в лозунге «Догнать и перегнать Америку». В послесталинский период этот слой стал доминирующим в культуре общества, он создавал нормы и ценности социального поведения. О культурной гегемонии среднего класса свидетельствует влияние на общественное мнение таких его представителей, как Б.Окуджава, В.Высоцкий, А.Галич, М.Жванецкий. Сформулированный А.Солженицыным гуманистический лозунг перестройки «Жить не по лжи!» стал по сути наилучшей формой выражения интересов номенклатуры – быть собственником де-юре, а не только де-факто⁴.

⁴ Радзиховский Л. Номенклатура обменяла «Капитал» на капитал// Известия. 07.03.1995.

Хотя советский средний класс был в значительной степени «слоем престижа», а не «слоем интереса», он за 40 лет как класс себя осознал и устремился к радикальному улучшению своего статуса и уровня потребления. Всякое эволюционное изменение означало блокирование этих стремлений, особенно для столичной интеллигенции, управленцев и промежуточных групп. Именно из этого слоя рекрутировалась политическая армия революции. Она вышла на улицы, чтобы изнутри противостоять реформам. Изнутри, ибо только она могла стать социальной базой поддержки реформ М.Горбачева.

В этой ситуации для реформы сверху был необходим резкий авторитарный переворот, советский вариант площади Тяньаньмынь, что, например, в марте 1991 г. было возможно. Неумелая попытка реализовать этот вариант в августе 1991 г. продемонстрировала распад идеологического «пространства власти». Принципиальное значение этих событий состояло не столько в рождении новых лозунгов – правового государства и рыночной экономики, – сколько в обнаружении символической пустоты, продемонстрированной пассивностью номенклатуры, уже занятой процессом приватизации⁵.

⁵ См.: Щедровицкий П. В поисках Формы// Иное... Т.2. Россия как субъект. С. 296.

Под «пространством власти» я понимаю, вслед за П.Щедровицким, – рамки сотрудничества, конкуренции и борьбы между основными группами влияния, которые сформировались еще в 1954–1964 гг. в результате дезинтеграции командно-распределительной системы. В работах экспертов чаще всего упоминаются следующие группы давления – топливно-энергетический (ТЭК),

⁶ См.: Паппэ Я. *Отраслевые лобби в правительстве России (1992–1996)*// *Pro et contra. Журнал Московского Центра Карнеги*. М., 1996. Т. 1. № 4.

⁷ К поведению такого рода не может быть применено понятие «политика». Часть исследователей использует в этом контексте термин «советская политика». См., например; Левенчук А., Кордонский С., Найшуль В., Сапов Г.. *Проблема продовольствия и хозяйственная система. Доклад смешанной группы экспертов Мировому банку*. М., 1992.

⁸ Под приватизацией я понимаю в данном контексте вслед за П. Щедровицким процесс присвоения отдельным человеком или сплоченной группой (корпорацией) ключевых механизмов руководства и контроля процессов деятельности (Щедровицкий П. В поисках... С. 297).

военно-промышленный (ВПК) и аграрно-промышленный комплексы (АПК). Фактически эта структура была, конечно, более дифференцированной, и с территориальной точки зрения, и благодаря существованию «серой зоны». Основные группы давления, как считает Я. Паппэ, сохранились до рубежа 80–90-х годов, когда начал формироваться развитый финансовый сектор⁶.

Сотрудничество таких групп осуществлялось при посредничестве квазиинституциональных структур коммунистической партии и советской власти. Они играли роль плоскости взаимосвязей, были формой переговорного процесса⁷. Кризис 1991 г. обнаружил распад именно этих «плоскостей», а не распад самой системы, которую воспроизводили названные группы давления.

В 1992–1993 гг. неоднократно предпринимались попытки, во-первых, найти новые источники и механизмы концентрации власти, во-вторых, создать систему стратегических союзов между основными группами давления. Скорее всего, одновременная реализации этих задач исключалась. Кроме того, процесс консолидации финансовой и промышленной элит, с одной стороны, а также центральной и региональной – с другой, тормозился нарастающим конфликтом между правительством (правлящей номенклатурой) и советской властью (той частью номенклатуры, которая контролировала представительную власть и стремилась к ее доминированию). В эти годы в процессе трансформации «пространства власти» было несколько переломных моментов: VII съезд народных депутатов в декабре 1992 г., референдум в апреле 1993 г., события октября 1993 г., окончательно завершившие эпоху «советской политики» как метода согласования интересов основных групп давления.

После падения «августовской республики», в «республике октябрьской» активно формируется новая институциональная структура, создаются каналы неформального взаимодействия важнейших групп давления. П. Щедровицкий полагает, что этот процесс закончился только президентскими выборами летом 1996 г., когда, согласно выражению А. Чубайса, был вбит последний гвоздь в гроб коммунизма. Тогда в России окончательно сформировалась новая правящая *олигархия* (новая элита), которая полностью *приватизировала*⁸ государственный аппарат и механизмы распределения (перераспределения) собственности, внутренних и внешних ресурсов.

Процесс возникновения в России капитала прошел три этапа: торговый, финансовый и промышленный. Первый – приватизация хозяйственной инфраструктуры через преобразование министерств в концерны, коммерциализацию государственных банков и приватизацию распределительной системы (Госснаба). Этот самый важный этап приватизации начался с создания кооперативов и «комсомольского предпринимательства». Он закон-

⁹ «В 1987 году началась приватизация государства государством, т.е. процесс, когда государственные чиновники, пользуясь своей властью, приватизировали те части государства, которыми они распоряжались. Этот процесс, в основном, закончился в момент начала официальной приватизации "для народа"». Крыштановская О. Кто нами правит?// Открытая политика. М., 1995. № 1. С. 16.)

¹⁰ «Каждая коммерциализованная часть номенклатуры быстро обрела собственные и часто взаимно исключаящиеся интересы. Фактически не столько номенклатура использовала коммерческие структуры, сколько новые предприниматели сумели включить в хозяйственный оборот партийные деньги». Бунин И. Новые российские предприниматели // Бизнесмены России. 40 историй успеха. М., 1994. С. 373.

¹¹ См.: Батурич Ю. Власть и мера («точные методъ» в англо-американской политологии)//Власть. Очерки современной политической философии Запада. М., 1989. С. 128–148.

¹² Независимая газета. 6.12.1996.

¹³ Общая газета. 9.10.1997.

чился еще до всеобщей приватизации⁹. В 1993–1994 гг. с помощью механизма вспомогательных банков и облигаций государственного казначейства был приватизирован бюджет. В 1995 г. начался промышленный этап развития капитала: создавались финансово-промышленные группы, холдинги и концерны широкого профиля. Хотя здесь принципиальное значение имела «номенклатурная приватизация», И.Бунин считает, что рынок разрушает систему номенклатуры¹⁰. Отражением этого процесса был распад номенклатуры на по крайней мере три составные части – хозяйственную элиту, новую политическую элиту («партию новой власти») и старую политическую элиту («партию старой власти»).

В результате приватизации в российском обществе – в противоположность советскому – политика стала пониматься как трансформация ресурсов во влияние¹¹. «Технологический» характер российской политики является предметом оживленной дискуссии. Тем не менее, однако, возник слой профессиональных «политических технологов». Это явление имеет своих сторонников и противников. Мнение первых выразил И.Малашенко: «Если крупные компании не будут инвестировать в то, что я бы назвал «public service», оно сметет их вместе с изменением политического строя»¹². Мнение противников озвучил С.Митрофанов: «Интрига становится целью и смыслом интриги, инструментом руководства государством, хотя бы потому, что СССР приготовил соответствующие кадры»¹³. Заметим, что батуричская «технология власти», являющаяся по существу идеологией режима, имеет свои историософские корни в физических концепциях истории и теориях цикличного развития Л.Гумилева, Н.Кондратьева и А.Чижевского. Это отнюдь не единственный случай, когда в модернистских идеях конца XX в. мы без труда обнаруживаем отголоски давних концепций.

С середины 80-х годов вместе с приватизацией командно-распределительной системы происходит модернизация административного рынка, то есть рынка, на котором основной единицей обмена служит административная услуга. Эта модернизация была вызвана как внешними причинами, связанными с потребностями мировой экономики, так и внутренними, вытекающими из необходимости закрепления результатов приватизации командной системы важнейшими группами элит. Административный статус начинает обмениваться на финансовые и материальные активы. Даже если оказываемая административная услуга не имеет никакой ценности (например, услуга «не мешать»), подобный обмен является первым условием модернизации, он составляет содержание *перестройки*. Вслед за П.Щедровицким надо подчеркнуть, что регионализация и фрагментация Советского Союза, а в настоящее время и России, должны рассматриваться как нормы приватизации и модернизации административного рынка.

Радикальная модернизация началась в 1992 г. с либерализации цен и первых шагов экономических реформ. Благодаря Е.Гайдару, все участники административного рынка научились пользоваться только двумя ключевыми видами ресурсов – деньгами и правами, отказавшись от трудоемкого оперирования сотнями ресурсов. Закрепление навыка использования «экономических» инструментов контроля привело к тому, что постсоветская номенклатура стала стремительно превращаться в финансовую и финансово-промышленную олигархию. Одновременно, как замечает В.Найшуль, в период реформ Гайдара произошло обновление командно-распределительной системы, так как центр сохранил роль единственного раздатчика самых важных ресурсов – денег и прав (льгот)¹⁴.

¹⁴ См.: Найшуль В. О приватизации государственных обязательств. *Sapere aude. Вестник Московской школы политических исследований*. 1995. № 3. С. 125.

Возникновение нового административного рынка

Вслед за теоретиками *административного рынка* (В.Найшулем и С.Кордонским¹⁵) я считаю, что развитие экономических отношений в постсоветской России, их отделение от отношений политических проходило в два этапа. На первом произошел распад советского административного рынка и сформировался новый (постсоветский) административный рынок. Второй этап – установление новых отношений между государством и административным рынком.

¹⁵ См.: Кордонский С. Постперестроечное экономическое пространство. Трансформация административного рынка//*Иное... Т.1.* С. 167–212..

В структуре административного рынка С.Кордонский выделяет формальное положение человека в системе власти, выявляемое в сфере производства и распределения, или уровень деятельности и активность человека, подчиняющегося до определенного уровня, или форму деятельности. Понятия «уровень» и «форма» деятельности примерно соответствуют социологическим понятиям «статус» и «роль»¹⁶. В рамках старого административного рынка четыре основные формы социальной активности (руководство, выживание, производство, преступность) соответствовали четырем уровням этой активности – номенклатурному, гражданскому, «серой зоне» (теневому), криминальному. В рамках такой структуры общественной активности оформились четыре социальных типа, определенные по критерию совпадения уровня и формы деятельности, – первые лица, обычные граждане, цеховики (производители «дефицитных товаров» в серой зоне), преступники (воры). Разумеется, в последнем случае речь идет не об обычных, а о «статусных преступниках». Поскольку для административного рынка характерно несоответствие между статусом и ролью, наряду с основными типами существовали социальные типы, определяемые по критерию расхождения уровня и формы, – например, на номенклатурном уровне кроме первых лиц можно выделить чиновников, серую номенклатуру и криминализованных чиновников.

¹⁶ См.: Кордонский С. Постперестроечное... С. 179–180.

Структура советского административного рынка отличалась логикой и простотой. На этом рынке государственные ресурсы перераспределялись четырьмя методами – номенклатурным, гражданским, «теневым» и криминальным. Исчерпаемость ресурсов привела к значительной напряженности в структуре рынка, а затем к его трансформации. *Перестройка* в узком значении этого слова состояла в легализации тех форм деятельности, которые в рамках административного рынка проявлялись в латентной форме.

Структура *нового административного рынка* значительно сложнее. В ее рамках существуют шесть основных типов активности – номенклатурная приватизация, серая приватизация, криминальная приватизация, институционализация личной собственности, обычная преступность, профессиональная преступность. Им соответствуют шесть основных уровней активности – номенклатурно-гражданский, серо-номенклатурный (*номенклатурно-теневой*), номенклатурно-криминальный, серо-гражданский (*гражданско-теневой*), криминально-гражданский, серо-криминальный (*криминально-теневой*).

Таким образом, новый административный рынок является в высшей степени иерархизированной структурой. На вершине социальной пирамиды – «новые первые лица», которые распоряжаются самой важной административной валютой – правом подписи на документах о «денационализации собственности». Деятельность по правилам первого уровня нового административного рынка С.Кордонский определяет именно как *денационализацию*; деятельность на всех остальных уровнях – как *приватизацию*. В результате приватизации возникла сложная мозаика социальных типов, детальное описание и характеристику которых я в этом месте опущу.

Главным результатом первого этапа трансформации административного рынка стало отделение рынка от государства: они начинают функционировать в различных социальных пространствах. Государство контролирует первые лица, обычных граждане, *цеховики*, воры, которых ход событий выбросил из экономической деятельности, но которые сохранили какую-то часть административной валюты и прежнего советского менталитета. С.Кордонский считает, что произошло разделение государственной власти между отдельными социальными типами. В федеральной и региональной администрациях доминируют бывшие первые лица, а в структурах исполнительной власти – бывшие воры и *цеховики*. Органы представительной власти – в руках обычных граждан, которые стали депутатами разных уровней. Зато на административном рынке доминируют легализованные новые социальные субъекты, в деятельности которых политические и хозяйственные моменты разделены.

Интересы новых хозяев непосредственно на политическом уровне не представлены. Их выражает слой посредников, имеющих собственные политические и экономические интересы и конвертирующих «административную валюту» в экономические активы (и наоборот). Деятельность этих субъектов может быть сугубо политической или заменяться ее эквивалентом (например, лоббированием).

Отдельной проблемой является влияние административного рынка на внешнюю политику. С.Марков выделяет три формы такого влияния – непосредственную дипломатию концернов, работу через структуры МИДа и его отдельных чиновников. Он констатирует, что в принципе экономические интересы корпораций не представлены во внешней политике государства, которая концентрируется на решении геополитических проблем¹⁷. Самые сильные в России нефтяные и газовые компании также не являются самостоятельными субъектами политики. Единственный реальный механизм влияния компаний на внешнюю политику, по мнению Я.Паппэ, – «непосредственные индивидуальные контакты с государством» и особенно контакты руководителей компаний с чиновниками и высшими государственными деятелями¹⁸.

Характер второго этапа становления нового административного рынка будет зависеть от направления развития государства и его отношения к рынку нынешнему. Если роль государства будет усиливаться, то увеличится значение «административной валюты», преобладание политических и административных амбиций над экономическими интересами. Если государство в его нынешней форме будет ослабевать, административный рынок возьмет на себя его функции и постепенно превратится в новую государственную систему. Возможны и распад государства в его сегодняшней форме, и распад административного рынка. В результате этих процессов может возникнуть новое государство (или государства), а также многоярусная структура, уже не являющаяся административным рынком. Ее способны создать субъекты, играющие в настоящий момент роль посредников между агентами административного рынка и генетически не связанные с советским административным рынком. Новые люди, как считает С.Кордонский, находятся в узловых точках теперешнего административного рынка.

В результате эволюции материальная база административного рынка уменьшилась до размеров топливно-сырьевого комплекса. Одновременно сформировался сильный финансовый сектор, обслуживающий интересы этого комплекса. Отдельные денационализированные предприятия перерабатывающей промышленности постепенно включаются в структуру мирового хозяйства, хотя большинство отраслей отечественной промышлен-

¹⁷ Марков С. ЛУКОЙЛ сильнее МИДа. Российские компании усиливают свое влияние на внешнюю политику России. *Коммерсант-Daily*, 23.07.1997.

¹⁸ См.: Паппэ Я. Нефтяная и газовая дипломатия России/Rgo et contra. Т.2. № 3. С. 69. Этот номер полностью посвящен теме «бизнес и внешняя политика» и содержит ряд интересных статей Ю.Федорова, Дж.Гартена, А.Ершова, Т.Клячко, А.Кондакова, В.Орлова, П.Смирнова, И.Устинова.

ности, частью которой они являются, деградирует. Сельское хозяйство и машиностроение превращаются в политизированные ассоциации, стремящиеся к воссозданию старого административного рынка.

По мнению М.Делягина, после краткого периода депрессии российская экономика вошла в 1996 г. в новую фазу кризиса, начавшись процесс ликвидации «второй порции неконкурентного производства и перехода к новому экономическому равновесию на еще более низком уровне, с более примитивными технологиями и людскими ресурсами»¹⁹. Срок выхода из этой ситуации будет зависеть, по мнению этого экономиста, от темпов ликвидации неконкурентоспособных отраслей. При этом принудительная модернизация экономики означает физическую ликвидацию нерентабельных предприятий, в том числе и больших. Это наверняка будет болезненный и длительный процесс, учитывая упомянутую выше трансформацию нерентабельных отраслей экономики в квазиполитические структуры.

Если названные тенденции сохранятся, Россия превратится, по мнению С.Кордонского²⁰, в уникальный *полигосударственный* организм с развитым топливно-энергетическим сектором и эффективными, а также агрессивными финансовыми институтами. Главное богатство России – сырье и образованные люди, имеющие опыт работы на административном рынке. На этой базе возможно создание новых финансовых империй, но при условии, что слой образованных и обогатившихся людей (в настоящее время это в основном группа посредников административного рынка), сможет действовать сообща и создаст условия для воспроизводства нынешней системы.

В этой связи П.Щедровицкий обращает внимание на то, что самую важную роль в обществе сейчас играют не корпорации, а новые мобильные и демократичные ассоциации. Он их определяет как «рамочные группы», «интенциональные ассоциации», «сетки действия». С помощью «эластичных технологий мышления» они меняют внутреннюю структуру корпораций, воспринимая последние как рамки собственной деятельности. Эти новые структуры можно определить как неокорпоративные, но поскольку принципиальным критерием для выделения этих структур является общность «интенциональных и рамочных моментов», скорее, по мнению П.Щедровицкого, говорить следует о над- и внутрикорпоративном единстве антропоструктур²¹.

Весьма правдоподобен, по мнению С.Кордонского, такой сценарий событий: развитые и богатые финансовые центры окружены деградирующими регионами – свалками отходов мировой цивилизации. Они будут контролироваться миниатюризированными структурами советского государства с развитым постсоветским административным рынком. Именно в этом смысле Россия может превратиться в полигосударственное образование.

¹⁹ См.: Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации в 1997 году. Центр политических технологий. М., 1997.

²⁰ См.: Кордонский С. Постперестроечное... С. 210.

²¹ См.: Щедровицкий П. В поисках... С.309. На семинаре Московской школы политических исследований (Галицино, 25–30 мая 1997 г.) А.Салмин предложил – в нескольких ином контексте – термин *netelite* – «сетевая элита».

**Регионализация
советского
пространства.
Перемены
в империи**

²² Каганский В.
Советское... С. 108.

В теории административного рынка важно пространственное измерение трансформаций. Я не касаюсь деталей этой теории, описывающей структуру постсоветского пространства. Самое краткое определение постсоветского пространства – интерференция административно-региональных и военно-промышленных структур. Именно поэтому приватизация военно-промышленного комплекса не может быть проведена без регионализации. Под регионализацией В.Каганский понимает процесс обретения суверенитета структурами советского пространства – «регионами», в ходе которого автономизируются и другие, функциональные компоненты²². Поэтому мнение, что Советский Союз распался на 15 государств, является поверхностным.

В результате регионализации стали автономными следующие компоненты, или блоки, Советского Союза: 1) регионы в узком значении этого слова (союзные республики); 2) «регионализированные» сектора функциональных составляющих надрегиона – Советского Союза (части ВПК, вооруженных сил, инфраструктуры коммуникации); 3) «нерегионализированные» сектора функциональных компонентов (стратегические вооруженные силы, атомно-космический комплекс); 4) специальная часть надрегиона – центр как резиденции Центра (Москва в трудноопределяемых границах). Поскольку в ходе регионализации были нарушены границы регионов, возник еще один специфический блок: 5) район-регион, или субрегион (например, Абхазия, Приднестровье).

Следовательно – с точки зрения теории регионализации административного рынка, – Советский Союз распался на значительно большее количество частей, чем 15 новых суверенных государств. Шестнадцатая функциональная часть Советского Союза – вооруженные силы. В свою очередь, новые суверенные государства возникают в результате консолидации фрагментов разнородных блоков. Например, Украина, по мнению В.Каганского, вобрала в себя блоки 1) и 2), а также фрагменты блока 3), Армения сложным образом объединила блоки 1), 2), 5) и фрагменты блока 3). Таким образом, сегодня налицо взаимовлияние неоконченной регионализации первого уровня (СССР) и начинающейся регионализации второго уровня. Районы-регионы – блоки этого второго уровня регионализации²³, который скрывает в себе ряд еще не реализованных возможностей изменения структуры советского пространства.

В постсоветский период регионализм стал главной сферой реализации политики и идеологии. Однако функциональное и структурное сходство регионов ведет к тому, что они оказываются политическими субъектами в ситуации без политики. Сохранение региона зависит от его структуры, а не от политической принадлежности элит. Поэтому регионализм – это постполитика. В ее результате коммунизм как идеология и как практика теряет

²³ См.: Каганский В.
Реальности регионализации: основные аспекты процесса // Куда идет Россия? Т. 1. М., 1994.

смысл, исчезает. Поэтому регионализм – это постидеология, объединение и деформация либерализма, национализма, сепаратизма, консерватизма, социализма и т.д. Регионализм – это фрагментация не только пространства, но и времени, деверсификация модели развития регионов, свободное отношение к культурным образцам, смешение дискурсов. В определенном смысле регионализация есть постмодернизм²⁴. Поэтому ее исследование требует, по мнению В.Каганского, критической интерпретации структуры советского пространства, и прежде всего – продумывания методологических последствий культурно-идеологической контрверзы почвенничество – западничество.

В период распада Советского Союза активно обсуждалась проблема империи. В русле этих дискуссий идентификация СССР с империей почти всегда означала признание неизбежности его упадка. Этот политический контекст понятия «империя» лучше всего выразил либеральный экономист Б.Львин в статье, посвященной «задачам антиимпериалистической национально-освободительной борьбы на современном этапе»²⁵. После формального распада Советского Союза проблема выглядит иначе. Если Россия – тоже империя, то из этого могут следовать угрозы проведения «имперской» – сопровождаемой серьезными потерями – политики, и распада самой России.

Включение понятия «империя» в контекст социальной коммуникации в процессе публичных дискуссий стало исходным пунктом ряда статей А.Филиппова. Он пытается демифологизировать это понятие, конструируя социологию пространства. С одной стороны, А.Филиппов трактует пространство как схему постижения, позволяющую объединять разные понятия и концепции. С другой – он понимает империю как значимое социальное, а точнее, политическое пространство. Социология, разумеется, может сконцентрироваться на изучении смысла коммуникационных действий, конституирующих империю. Но смысл не всегда проявляется в коммуникации, он может – говорит языком феноменологии А.Филиппов – быть «горизонтом».

Центральная идея социологии пространства состоит именно в том, что «империя является горизонтом»²⁶. Империя – это настолько большое пространство, что оно «не постигаемо» (*не созерцается*), а является только фоном для акта постижения (*внятных созерцаний*). Эти рассуждения ведут к очень интересным выводам: поскольку социология возникла как ответ на вызов, брошенный гражданским обществом нормативному порядку, постольку каждый социолог в России, независимо от того, что он исследует, должен быть наблюдателем империи, а точнее трансформации империи.

Самым важным объектом трансформации империи являются те структуры, которые конституируются благодаря коммуни-

²⁴ См.: Каганский В. *Идеологемы российского несоветского пространства // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития*. Т. 2. М., 1995. С. 470–471.

²⁵ См.: Львин Б. *Долой империю! // Век XX и мир*. 1990. № 8. С.10.

²⁶ Филиппов А. *Наблюдатель империи (империя как понятие социологии и политическая проблема) // Вопросы социологии*. Т. 1. 1991. С. 99–106.

²⁷ См.: Неклесса А. *Россия в новой системе координат – цивилизационных, геэкономических, геополитических // Цивилизации и культуры. Вып. 3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. М., 1996. С. 58.*

²⁸ См.: Дугин А. *Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997.*

²⁹ См.: Каграманов Ю. *Империя и ойкумена // Новый мир. 1995. № 1.*

³⁰ См.: Цымбурский В. *Остров Россия (перспективы российской геополитики) // Полис. 1993. № 5. С. 6–23; он же. Остров Россия. Циклы похищения Европы // Иное... Т. 2. С. 207–254.*

³¹ См.: Панарин А. *Пределы фаустовской культуры и цивилизационное устройство Евразии // Цивилизации... Вып. 3. С. 54.*

³² См.: Лурье С. *Геополитическая организация пространства экспансии и народная колонизация // Цивилизации... С. 175–185.*

³³ См.: Фирман Д. *О будущем постсоветского пространства // Свободная мысль. 1996. № 6. С. 36–50.*

³⁴ ЦИТ. по: Ma, czak A. *Rzadzacy i rzadzeni. Wladza i spoleczenstwo w Europie wczesnonowozynnej. W-wa, 1936. S. 66*

³⁵ См.: Swiezawski S. *U zrodel nowozynnej etyki. Filozofia moralna w Europie XV wieku. Krakow, 1987. S. 232–233.*

кационным действиям. В этом смысле государство противоположно империи, оно по-иному тематизирует пространство. Кроме того, следует принимать во внимание «мир универсальных связей», который никоим образом не зависит от политического пространства. Отношения между этими тремя системами – империей, государством и обществом – определяют ход процесса трансформации империи.

Включение империи в контекст коммуникационных процессов ведет к разнородной тематизации пространства (например, рационализация в теории административного рынка). Еще один подход предполагает трансформацию геополитического пространства в вертикальную социотопологию, являющуюся по сути новой версией геэкономии²⁷. Равным образом возможна очередная мифологизация геополитики в идеологии российской «новой правой»²⁸. Понятие «империя», расширенное до понятия «цивилизации», обнаруживает более глубокие смыслы пространства²⁹. Россия может восприниматься как цивилизационный строй, становящийся угрозой только по мере европеизации³⁰, или наоборот – как духовная вселенная в идеологии российского космизма³¹. Понимание империи как пространства цивилизационной экспансии дает возможность выявить ее этнокультурное значение³². Пространство – это и «постсоветское пространство», или «бывшее имперское пространство», на котором совершаются процессы распада империи и консолидация национальных культур³³. Даже такой беглый перечень позволяет сказать, что множественность способов трансформации «империи» означает наличие большого числа еще не реализованных возможностей декомпозиции советского пространства.

А. Филиппов затрагивает проблемы, которые обсуждались в европейской политической философии на заре новой истории. В античной традиции империя была одна. Империя это вселенная. Понятие «империя» являлось составной частью спора о примате власти папы или императора. С середины XVI в. в Европе возникает много империй. Во второй половине XVII в. претензии на первенство среди монархов, опирающиеся на божественный закон и традиции, были признаны устаревшими. Новую концепцию империи хорошо выразил британский дипломат сэра У. Тэмпл: «Народ, заселяющий обширные земли с многочисленным населением, приходит со временем к прежнему определению «королевство» или современному – «империя»³⁴. Разумеется, трудно ответить на вопрос, в какой момент экспансия государства превращает его в империю. Несомненно, империя характеризует универсальным типом политического самосознания.

В XV в. в латинской Европе велся спор между сторонниками универсального государства и партикулярных государств. Его участники не заметили, на что обращает внимание С. Свежавский³⁵, что этот философско-политический спор происходил в

восточной части континента. На огромных просторах христианского мира в одно и то же время появилась концепция универсальной императорской власти, связанной с мессианским пониманием роли царя.

После падения суверенной власти татарского хана открылась перспектива утверждения подлинно христианской империи на Руси. Именно в XV столетии Иосиф Волоцкий, для которого «политическая власть Церкви была важнее христианского вероисповедания», выступил с идеей российского имперо-папизма. Эсхатологическое учение Филофея о «Третьем Риме» он превратил в политическую идеологию в духе византийского имперо-папизма. Политико-теологический рационализм Иосифа Волоцкого по существу означал секуляризацию христианства, придание ему статуса политической идеологии: мощь православия должна выражаться в могуществе власти царя. Это вызвало сильное противодействие. Например, Нил Сорский выступил против тоталитарно-теократической идеологии, придающей власти, исполняемой царем «Святой Руси», божественный характер³⁶.

В общественном восприятии доктрина «Третьего Рима» трансформировалась в доктрину «Святой Руси». «Третьим Римом» было не московское государство, а весь православный народ, независимый от того, где он проживал. Это позволяло адептам различных сект (например, старообрядцам) бежать от российского государства, хранить «Святую Русь», защищать ее от антихристианской власти³⁷. С. Лурье подчеркивает, что обе доктрины были связаны между собой: и там, и там речь шла о единственном в мире царстве истинной набожности и святости, главная угроза состояла в потере набожности – тогда антихрист завладеет всем миром. Таким образом, Россия осознавалась как истинный и не знающий границ мир, что в значительной степени определило силу российской экспансии. В обеих идеологиях присутствовало чувство особой ответственности и одиночества в безбожном окружении. В интерпретации сторонников различных антицерковных движений подлинная «Святая Русь» была глубоко скрыта, а московское государство воспринималось, скорее, как Карфаген, который должен быть разрушен.

В народе сформировалось четкое представление о «желаемом государстве», отличающемся от реального, что стало психологической предпосылкой как российского этатизма, так и российского анархизма, а также причиной глубокой внутренней противоречивости российского государственного сознания и одновременно его интенсивности. Народный этатизм принципиально отличался от официального этатизма. Главной точкой, где оба они пересекались, был царь.

Двойственность имперской идеи сказалась на развитии империи. Европеизация, осуществленная царем Петром, перенесе-

³⁶ См.: Hauke-Ligowski A. *Od «Swietej Rusi» do imperium rosyjskiego. Duchowosc rosyjska w epoce przelomu// Znak, 1982. N 331. S. 488. Zientara A. Dawna Rosja. Despotyzm i demokracja. W-wa, 1995. S. 77–79.*

³⁷ Лурье С. *Община и государственность // Цивилизации и культуры. Вып. 2. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1995. С. 149.*

ние столицы в новый «град Святого Петра» – символ императорско-папских амбиций царя-императора и одновременно «Четвертый Рим», – воспринимались как вызов, брошенный «единственному и подлинному «Третьему Риму». Именно поэтому Петра I многие россияне считали антихристом. В Санкт-Петербурге, этом памятнике победы европейской идеологии воинствующего Просвещения, как пишет Б.Гройс, западный рационализм превратился в российский фанатизм³⁸.

³⁸ Гройс Б. *Имена города // Гройс Б. Утопия и обмен. М., 1993. С. 358.*

Российская империя создана на основе религиозной концепции, предполагающей непосредственное присутствие духовной действительности (царь) в реальности эмпирической. Опираясь на идеологию Просвещения, эта империя стремилась к универсальности. Создатели и певцы империи долго помнили о ее миссии – нести европейское просвещение всем народам. Этот факт был и остается источником апологии империи, предполагающей простую отсылку к прошлому³⁹. Однако еще в XIX столетии место универсальности занял национализм. Вытекающая из него русификация только подорвала корни империи⁴⁰.

³⁹ См., например, сб. статей *Неизбежность империи. М., 1996.*

Механизм распада государства был заложен в самой формуле российской государственности – по крайней мере в той, в какой она функционировала последние полвека существования империи. Не слишком удачная формула графа С.Уварова «*православие, самодержавие, народность*» имела бесспорное практическое преимущество. Эта формула, пишет А.Салмин, отражала стремление к защите от абстрактных идей европейской революции и в то же время свидетельствовала об исчерпанности (в ходе реализации экспансионистской политики) духовного потенциала империи. Сегодня российский народ переживает глубокий кризис не только потому, что уменьшаются его численность и ареал проживания. Причина прежде всего в том, что его высокая культура отдаляется от мировой, а его язык перестает быть выразителем и активным соавтором этой культуры. Конкуренция на «рынке» мировой культуры – задача значительно более трудная, чем завоевание сильных позиций на рынке экономическом. От разрешения этих обеих проблем «зависит будущее страны как великой державы»⁴¹.

⁴⁰ См.: Федотов Г. *Судьба империи // Россия между... С.337–341.*

Механизм распада государства был запущен дважды: в 1917 г. и в 1991 г. При этом глубокий кризис, несомненно, был связан с национально-освободительными процессами. Для А.Салмина это, однако, внешняя сторона явления. Главные причины значительно глубже – в изменении культурно-религиозного типа России. Россия переживает глубокий кризис духовных основ государственности, которые имеют сугубо практическое измерение и касаются роли Церкви в возникновении, становлении и активности государства⁴². А.Салмин подчеркивает, что действующая Конституция закладывает иллюзорные основы современной государственности, так как не содержит выработанного историей представления о природе

⁴¹ Салмин А. *Российское президентство как институциональная проблема // Вестник фонда «Российский общественно-политический центр». М., 1996. С. 31.*

⁴² Там же. С. 29.

церковно-государственных отношений, то есть о легитимизации власти.

Под церковно-государственными отношениями А.Салмин понимает не только отношения между политической властью и церковной иерархией. Для легитимизации современного государства принципиальное значение имеет соотношение земного и трансцендентного измерений общества. Проникнутая внутренним напряжением *politeia-ecclesia* по-разному воспринимается в восточном и западном христианстве, хотя общим для них является убеждение в преобладании трансцендентного над естественным, природным. Различие точек зрения А.Салмина показывает на примере воззрений св. Василия Великого и св. Августина. Первый подчеркивал синтетический, или «органичный», характер противоположности естественного принципа как необходимого условия и исполнения заповедей как условия достаточного. Второй делал упор на политическую и «логическую» противоположность государства, созданного милостью Божьей, и государства, созданного земной любовью⁴³.

⁴³ Салмин А. Современная демократия: очерки становления. М., 1997. С. 225.

В практическом плане эти философские различия вылились в оформление церковно-государственной «симфонии» – но не обязательно доминирования – на Востоке и отсутствие какого-либо постоянного равновесия между светской и духовной властью на Западе. Падение империи, а затем постепенный отход римского христианства от идеи теократии как универсальной *politei-ecclesii* – как в форме имперской, так и в форме «папизма» – сформировали современный характер отношений государство – церковь. Но в России сильная и централизованная Церковь и самодержавная власть проходили этапы становления параллельно и поддерживали друг друга весь период превращения московского княжества в великое государство: византийская «симфония» трансформировалась под воздействием напряжения между народным этатизмом и этатизмом официальным. Слабость российской государственности XX в., если я хорошо понял рассуждения А.Салмина, состоит в том, что она отвергает модель отношений Церковь – государство, сформировавшуюся исторически, и тем самым абстрагируется от трансцендентного измерения общества в период, когда меняется его религиозный характер.

Размышляя об «империи», стоит отметить и «диалогичное» понимание исчезновения советского пространства. М.Гефтер считает, что в результате распада Советского Союза Россия не стала Евразией в прямом смысле слова. Россия – Евразия в «значении растущем»: Азия врастает в Европу Россией. За перераспределением ресурсов, богатств и возможностей кроется очень широкая проблема «принципиально обновляемого КУДА?»⁴⁴ Разумеется, проблема «куда» должна сопровождаться своими неразлучными друзьями – «откуда?» и «как?». Так что Россия является для Геф-

⁴⁴ В тексте приводятся цитаты из: Гефтер М. Мир уходящий от «холодной войны» // Свободная мысль, 1993. № 11. С. 72–73. Концепция М.Гефтера во многом сходна с более ранней «философией поступка» М.Бахтина.

тера пространством, а точнее, времяпространством, в котором разыгрывается драма путешествия.

М.Гефтер утверждал, что «наша Евразия альтернативна по самому определению своему». Житель Евразии, путешествуя из «российской Азии, из ее азиатской провинции» в «российскую Европу», а через нее в «классическую Европу», движется навстречу несомненным достижениям Запада. Это движение – импульс к поискам. «Но поискам не очередного мессианского «перескока», но путей подключения к деятельности духа и рук – деятельности, сосредоточенной (в том числе, если не прежде всего) на вечной и заново новой коллизии отношений одиночного и одинокого человека с другими, со всеми другими. *С Миром как с Другим...*». Альтернатива состоит в том, что Мир завтрашнего дня предстает в образе «свободного колледжа, открытой мастерской гигантского информационного поля», с другой же стороны, можно заметить «контуры если не вновь «великого переселения народов», то такой сдвижки масс, которая не сможет не сотрясти все нынешние геополитические реальности».

При таком подходе Россия – это страна, лежащая между многими неразрешенными «вчера» и неясными «завтра». Для М.Гефтера она – Мир Миров. В таком понимании Россия становится проекцией мирового сообщества, моделью нынешних и возможных катаклизмов.

**Между
Евразией
и Азией**

«Советское пространство» скрывает в себе много разных смыслов, которые обнаруживаются как в ходе теоретических курсов, так и на уровне «перераспределения ресурсов». Согласно краткой формуле В.Каганского, Советский Союз = коммунистическая партия X (административно-территориальное деление + военно-промышленный комплекс). Тем самым, как замечает Л.Поляков, распад Советского Союза и выделение экономики России в «чистом виде» стали «действительной демистификацией» советского пространства как «энергетически-милитарного ядра геополитического пространства». В этом смысле Россия вошла в фазу промышленной революции в точном значении этого слова и вернулась в точку «деградации и краха» 1914 г. Однако это совершается в глобальном контексте «конца истории». Следовательно, считает Л.Поляков, на карту поставлена судьба России как государства. Успех экономических реформ отбросит ее в XVI в. Медленная «реформа» приведет к краху государственности и фрагментации России на несколько (десятков?) территорий, способных (если способных) вписаться в структуры мирового рынка только в роли сырьевых придатков⁴⁵.

Тем самым Л.Поляков превращает проблему модернизации, представленную выше в категориях теории административного рынка и соединенную с социальной деградацией, в историософ-

⁴⁵ Поляков Л. *Период полураспада // Независимая газета. 21.09.1993*

скую проблему будущего России и ее неизбежного распада в случае неуспеха реформ. Подобный взгляд чрезвычайно характерен для сегодняшнего идейного состояния России. Проблема «модернизация versus деградация» лежит в основе политического размежевания в стране. По одну сторону – «модернизаторы», по другую – критики модернизации, считающие, что она ведет к социальной деградации, варваризации и даже «цивилизационной смерти». В качестве примера можно привести мнение одного из ведущих теоретиков «европейского социализма» в России Б.Кагарлицкого: «Приватизация оказалась либо фиктивной, либо варварской... Частная собственность еще не создает автоматических капиталистических отношений, тем более «цивилизованных». Элементы капитализма у нас действительно возникли, но тесно срослись со всевозможными формами экономического варварства. ... «Новые русские» никак не «опережающая группа», а варварская олигархия, тормозящая прогресс... Крах советской системы был вызван не натиском «сил прогресса», а ее собственным вырождением»⁴⁶.

⁴⁶ Кагарлицкий Б. Второй шок // Независимая газета. 30.06.1994.

Сторонники модернизации считают, что все глубокие реформы страны проходили фазу «социального небытия», и Россия должна миновать «нулевую точку» развития, оттолкнуться от дна, чтобы затем возродиться в новой форме. М.Чешков уверен, что для того, чтобы начать трансформацию, «российский социум должен пройти и уже проходит через нулевую точку отсчета («смерть»).

А.Фадин говорил, что угроза неизбежной катастрофы является единственной силой, способной заставить российское общество провести структурную модернизацию. Любой вариант эволюционного развития принес бы намного больше потерь, чем предкатастрофа – кризис⁴⁷.

⁴⁷ См.: Фадин А. Модернизация... С. 333.

Проблема «общественной смерти» с последующим возрождением иногда трактуется как определенная закономерность российской истории. Например, В.Пастухов считает, что развитие российской империи совершается через «перерывы в постепенности»: «Важно, что после каждого из таких кризисов история России начиналась как бы заново, что на месте одного культурного сообщества возникало другое»⁴⁸.

⁴⁸ Пастухов В. Будущее России вырастает из прошлого. Посткоммунизм как логическая фаза развития евразийской цивилизации // Полис. 1992. № 5–6. С. 62.

Однако Ю.Бородай, в соответствии с духом некоторых идей Л.Гумилева, считает, что Россия находится в лучшей культурной ситуации, чем Запад. В условиях, в которых *Gemeinschaft* (общинность) еще полностью не уничтожен, а *Gesellschaft* (гражданское общество) еще полностью не разложился, Россия имеет шанс сохранить свою соборность⁴⁹.

⁴⁹ См.: Вопросы философии. 1992. № 6. С. 23.

⁵⁰ См.: Кара-Мурза А. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М., 1995. С.173.

Историософские рассуждения о «неорганичности» российской культуры, замечает А.Кара-Мурза, содержат одобрение социальной деградации, которая становится «запланированным элементом преобразования»⁵⁰. Многие российские мыслители не-

⁵¹ Цит. по: там же.
С.176.

однократно обращали внимание, что, по словам С.Франка, подобное «тотальное отречение от истории»⁵¹ является формой проявления типично русской позиции – «как-нибудь обойдется». Сначала до основания разрушить старые структуры, а потом ждать, пока все само собой возродится. Вот и сегодня, веря в организаторскую роль спонтанно формирующегося рынка, забывают, что это по существу административный рынок.

В период модернизации российское общественное мнение разделилось на критиков «варварской приватизации» и «варварского тоталитаризма». Появление такого противостояния, дискуссии на тему социальной деградации, нулевой точки отсчета, творческой роли Хаоса или неорганичности культуры являются признаком глубокого идентификационного кризиса, который переживает Россия. По мнению А.Кара-Мурзы, кризис идентичности появляется не тогда, когда общество стоит перед необходимостью выбора между различными формами быта. В случае современной России такой выбор гипотетически мог бы состоять из следующих альтернатив: традиция – модернизация, Восток – Запад. Подлинный кризис идентичности появляется на грани общественного небытия, когда общество вынуждено отвечать на вопрос «какая форма небытия (деградации) хуже» – риск отступления к социализму или риск неудачной псевдомодернизации.

Специфика такого кризиса идентичности состоит в том, что самоопределение социальных акторов происходит не свободно, а по принципу «из двух зол меньшее». Коммунисты и националисты объединяются для борьбы с «современным варварством» – «деградацией до уровня Третьего мира. Демократическая политическая идентификация связана с противостоянием надежды на будущее и «старого варварства» – «тоталитаризма». Такая ситуация приводит к мифологизации политических конфликтов. Парадоксальным результатом подобных идейных «столкновений» может быть то, что А.Герцен называл «дурным синтезом» Востока и Запада в России.

Образом «дурного синтеза» является у А.Герцена соединение античеловечности немецкого бюрократа (нового варварства, лишенного духовности западной цивилизации) с «озверением восточного раба» (старым варварством отсталого доцивилизационного Востока). Единство и борьба этих двух антикультурных тенденций («татарская нагайка производства немецкого мастера», по И.Аксакову) воплотились в синтетическом образе российской Азиопы, как по аналогии с Евразией назовет Россию П.Миллюков. Проблематика «Азиопы» потом будет разрабатываться многими российскими мыслителями. Сегодня она означает, что борьба между выродившимися формами западничества и *самобытности* вновь может привести к самоварваризации России. В нынешних условиях Азиопа, как доказывает А.Кара-Мурза, бу-

дет означать деградацию России до уровня стран Третьего мира и одновременно установление в ней авторитарного режима⁵².

Описанный выше кризис идентичности имеет еще один очень существенный аспект. Глубокие реформы в истории России всегда состояли в модернизации некоторых сегментов общества и деградации «внутренней периферии» империи. А.Кара-Мурза определяет эту ситуацию как «цивилизационный противоход»: «Дан приказ – ему на Запад, ей – в другую сторону»⁵³. В таких условиях резкие изменения становятся главной причиной усиления потенциала контрреформ. В связи с этим возникает ситуация, которую Г.Федотов определил как опасное соревнование со временем. Анализируя внутренне противоречивую динамику российского общества в начале столетия, он спрашивал: «Что упредит – освободительная европеизация или московский бунт, который затопит и соест молодую свободу волной народного гнева?»⁵⁴.

Опровергая тезис о «новом варварстве», А.Кара-Мурза ссылается на давнюю проблему российской истории – сосуществование в социальной реальности абсолютной тирании и абсолютно-своеволия личностей. Ю.Лотман определил эту проблему как взаимопроникновение двух энтропий – энтропии хаоса и энтропии оцепенения⁵⁵. Как верно заметил А.Поморский, полюсная пульсация оцепенения и хаоса составляет по сути дела структуру самодержавия, описанную еще в XVIII столетии Н.Паниным⁵⁶. Она появляется тогда, как я полагаю, когда в обществе отсутствует политика, а единственным фактором изменений может быть иррациональный механизм игры.

Столкновение двух антикультурных тенденций Ю.Лотман осветил в семиотической теории культуры. Он описывает два типа динамики семиотических систем – культура и взрыв. Культура – постоянный и предсказуемый тип динамики, а взрыв – непостоянный, содержащий в себе большой запас непредвиденного. Затем, базируясь на разделении бинарных и тернарных моделирующих семиотических систем, Ю.Лотман утверждает, что взрыв по-разному проявляет себя в обеих этих системах. В тернарных системах он не охватывает все культурные слои. Центральные системы культуры могут выдержать даже самые сильные взрывы, поэтому тернарные системы сохраняют определенные ценности предшествующего периода. Иначе выглядит ситуация в бинарных системах, а именно эта система характерна для культуры России⁵⁷. Взрыв в таких системах распространяется на все уровни культуры. Характерной чертой таких состояний является их переживание как уникального, ни с чем не сравнимого момента в истории человечества. Отмененным объявляется не какой-либо конкретный исторический период, а само существование истории.

Происходящие на территории бывшего Советского Союза процессы можно, по мнению Ю.Лотмана, описать как переход от

⁵² См.:

Кара-Мурза А.
«Новое варварство».

С. 168.

⁵³ Кара-Мурза А.
Модернизация...

⁵⁴ Федотов Г. *Россия и свобода // Федотов Г. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры.* Санкт-Петербург, 1991. Т. 2. С.124.

⁵⁵ См.: Лотман Ю. *Тема карт и картографической игры в русской литературе начала XX века // Ученые записки Тартуского Государственного университета.* Вып. 365. *Труды по знаковым системам.* Т. 7. Тарту, 1975. С. 120–142.

⁵⁶ См.: Pomorski A. *Duchowy proletariusz. Przyczynek do dziejow lamarkizmu spolecznego i rosyjskiego kosmizmu XIX–XX wieku (na marginesie antyutopii Andrieja Platonowa).* W-wa, 1936. S.139; Walicki A. *Rosyjska filozofia i mysl spoleczna od Oswiecenia do marksizmu.* W-wa, 1973. S.57–59.

⁵⁷ Подробнее о роли бинарных систем в российской культуре см.: Lotman J., Uspienski A. *Rola modeli dualnych w dynamice kultury rosyjskiej (do konca XVII wieku) // Semiotyka dziejow Rosji.* Lodz, 1993. S. 17–61

бинарных систем к системам тернарным. Однако сам момент перехода осмысливается в категориях бинарности. «Теоретически он понимается как победа реального, «естественного» развития над неудачным историческим экспериментом. Как лозунг эпохи был принят старый принцип физиократов *laissez faire, laissez passer*. Идея самостоятельности хозяйственного развития в Западной Европе была органично связана с постепенностью развития во времени, с отказом от всякого поторапливания истории. В наших условиях этот же лозунг обременен идеей государственного вмешательства и моментального преодоления исторического пространства за самое короткое время – то за 500 дней, то в какой-либо иной, ранее определенной историей эпохе. Психологически за этим скрывается та же самая позиция, что и в идее Петра «догнать и перегнать Европу»... или в более памятных «пятилетках в четыре года». Даже постепенное развитие мы хотим реализовать, применяя технику взрывов»⁵⁸. Таким образом, в основе столкновения двух «антикультурных» тенденций, по мнению Ю.Лотмана, то, что культура России вообще воспринимает себя в категориях взрывов, а не в категориях преемственности и постепенности.

Ю.Лотман полностью разделяет пафос публицистов эпохи приватизации и модернизации. Происходящие в Восточной Европе изменения дают, по его мнению, шанс присоединиться к «общеевропейской тернарной системе». Упущение такой возможности будет равно «исторической катастрофе». Итак, в семиотике мы находим то же самое напряжение, что и в политических полемиках.

Российский индивидуализм и перемены в общественном сознании

Либеральные публицисты усматривают исторический шанс России в расширении свободы личности. Пожалуй, впервые в истории модернизация, по их мнению, совершается под лозунгами индивидуальных свобод.

В этом контексте следует напомнить слова А.Изгоева, что принципом большевизма был не столько коллективизм, сколько именно индивидуализм. «Никогда в обществе, – писал он в 1918 г., – социальные связи не были столь слабы, столь надорваны, как во времена официального царства социализма. Человек человеку волк – вот основной девиз этих страшных дней. Сотрудничество и общность были лишь во время преступления. После него, при дележе добычи каждый думал лишь о себе, сталкивая с дороги более слабого или неопытного. Стадо волков, вырывающих друг у друга добычу... декламации о социализме являлись лишь аккомпанементом к сценам первобытного каннибализма»⁵⁹. В трактовке Изгоева социализм напоминает досоциальное состояние. Либерализм проиграл тогда битву с тоталитаризмом, оказавшись неспособным гарантировать общественный порядок и парализовать самоволие единиц. Российский либерализм не сумел «одеть на чернь намордник»

⁵⁸ Изгоев А. Социализм, культура и большевизм // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 368–369.

⁵⁹ Автор, помня о принципиальной разнице исторических контекстов, не может в этом месте обойти молчанием свои первые впечатления после приезда в Москву в феврале 1992 г. Московская улица казалась тогда ареной перманентной борьбы всех против всех.

(Вольтер). Ф.Степун писал, что причина поражения либеральной революции в России – в отсутствии у ее деятелей «духа творческой деятельности и послушной праву энергии». Своим преемникам он советовал больше «европейского чувства возможного»⁶⁰.

Подобный взгляд на якобы существующий российский коллективизм высказывался в середине XIX в. К.Каменским в его великолепном произведении «Россия и Европа. Польша». Poleмизируя с популярными в Европе теориями об общинном устройстве России, он доказывал, что «Россия может быть объяснена только с помощью понятия варварства». Содержанием России, писал Ксаверий Каменский, является не единовластие или царский закон, «содержанием является сама природа стихии, из которой с неизбежностью вытекают такие формы управления»⁶¹. «Варварство имеет только лишь чувственную силу, его назначение – эту чувственную силу применять, когда только существует возможность ее применения»⁶². В трактовке К.Каменского, варварство – это бездуховная чувственная сила, что можно понять как предреклексийную форму общественной жизни.

Проблема состоит не только в радикальном индивидуализме, не признающем правовых ограничений, но и в его непроектном характере. П.Струве обращал внимание на этот аспект проблемы, когда писал, что «никакая реакция не посягнет на то, на что посягнул красный большевизм: на хозяйственную автономию личности»⁶³. Цитированный выше Ф.Степун в другом месте замечал, что принципиальная разница между Россией и Европой заключена в отношении к труду. Обращаясь к этим идеям, А.Кара-Мурза считает, что единственным способом нейтрализовать опасное для России противостояние двух антикультурных тенденций является не столько декларирование индивидуальной свободы, сколько защита свободы личности, которая достигла определенного уровня развития и доказала свой цивилизационный, то есть творчески-производственный статус. По его мнению, необходима «европейская стратегия» прохода между Сциллой необходимой модернизации и Харибдой потери национальной идентичности, или политическая стратегия прогресса, принимающая, однако, во внимание возможность «цивилизационного провала»⁶⁴.

Формой такой стратегии может быть «подлинный», – как в свое время писал С.Франк, – «синтез» либеральных и консервативных ценностей. В этом направлении пошли многие либеральные идеологи в России, особенно после кризиса 1992–1993 гг. Варварство в российской политике (вооруженные столкновения в Москве осенью 1993 г., война в Чечне, акты терроризма) было существенным импульсом для поисков органичных концепций развития. Кроме уже упомянутой концепции Ю.Батурина примером такого синтеза может быть проект, разработанный коллек-

⁶⁰ Степун Ф. Мысли о России// Новый мир. 1991. № 6. С. 220.

⁶¹ X.Y.Z. /Kamienski H./ Rosja i Europa. Polska. Wstep do studiow nad Rosja i Moskalami. Paryz, 1857. S. 279.

⁶² Ibidem. S. 281.

⁶³ Кара-Мурза А. «Новое варварство»... С. 178.

⁶⁴ См.: Кара-Мурза А. Между... С.179.

тивом В.Найшуля, предусматривающий обращение к трем источникам в процессе формирования современной российской государственности: российской традиции, заимствованных зарубежных форм и современных российских обычаев⁶⁵. Ю.Лотман также прогнозирует, что если Россия избежит катастрофы, порядок, который будет в ней установлен, не будет простой копией западного. «История не знает повторений. Она любит новые, непредвиденные пути»⁶⁶.

Анализируя специфику политического дискурса в России, еще В.Вейдле призывал различать «свое» и «чужое». Стоит отметить, что практически в это время появляется бахтинская концепция диалога. М.Бахтин предлагал отойти от философии познания и перейти к «философии поступка». Современный исследователь теории Бахтина доказывает, что в его философии заложен проект принципиально новой «риторики поступка», отличающейся от «риторики познания». Из концепции Бахтина следует, что конституирование политики в период планомерно направляемых психозов требует не только обычного публичного дискурса, но и такой риторики, которая предусматривает принятие «чужого слова в слове собственном»⁶⁷. В противном случае неизбежна мифологизация кризиса российского самосознания и его углубление.

Публицист Б.Парамонов верно определяет религиозно-философские предпосылки концепции М.Бахтина. В условиях заката Советского Союза демократия должна приобрести религиозный смысл. Только таким образом можно понять главный российский грех – «ничем до сих пор не истребимую веру в Единую Истину, способную организовать коллективное спасение»⁶⁸. Россиянину, считает Парамонов, недостает опыта одиночества, а тем самым опыта трансцендентального, который является самым важным в любой религии. Этот опыт содержится только в философии российской эмиграции.

Г.Федотов, сравнивая европейскую свободу с российской волей, писал, что последняя не является противоположностью тирании. Бунт и тирания – это два разных способа ее проявления. Идеалами московской воли были как разбойник, так и царь. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что в основе российской воли лежит отсутствие трансцендентального в общественной жизни. Зато комментирующий его рассуждения Г.Померанц идет в обратном направлении, считая, что только духовная глубина является нерушимой основой свободы. «Только достигнув глубины, учишься понимать другого и не видеть в другом свой ад. Где-то в глубине внутренняя свобода вбирает в себя стихийную волю, объемля ее в своей полноте»⁶⁹.

Достижением российской философии XX в. стало понимание природы российского индивидуализма. «Дурной синтез» восточного деспотизма и западной свободы породил в России специ-

⁶⁵ См.: Найшуль В. О нормах современной российской государственности // Сегодня. 23.05.1996.

⁶⁶ Лотман Ю. Культура... С. 265.

⁶⁷ В связи с этим заслуживает внимания интерпретация философии М. Бахтина в духе «философии поступка». См.: Пешков И. М. М. Бахтин: от «К Философии поступка» к «Риторике поступка». М., 1996.

⁶⁸ Парамонов Б. Пантеон. Демократия как религиозная проблема // Социологос. Вып. 1. Общество и сферы смысла. М. 1991. С. 380–381.

⁶⁹ Померанц Г. Еврейская свобода и русская воля // Дружба народов. 1994. №4. С. 147.

фический тип индивидуализма, состоящий в индивидуальном своеволии на всех уровнях общественной жизни. Подтверждение этой мысли можно найти и у авторов, занимающихся изучением современного общественного сознания. Б.Капустин и И.Клямкин, анализируя результаты исследований Фонда «Общественное мнение», приходят к выводу, что в России сформировались три типа общественного сознания: «традиционный советский», «нелиберальный индивидуализм» и «либеральный».

Советское сознание опирается на отрицании личной свободы как самостоятельной ценности. Этот тип сознания схож с коллективизмом, однако он не сохранил никакой внутренней связи с «органичной доиндустриальной общностью». Коллективизм в данном случае сводится к уравнительной организации быта атомизированных и аполитичных личностей. В условиях модернизации наступает ренессанс «героических» аспектов коммунизма, затем они трансформируются в «героический» национализм.

Второй тип сознания предполагает признание ценности индивидуальной свободы. Однако это означает свободу реализации собственного интереса, ограниченную не законом, а силой других личностей или силой обстоятельств. Регулируют конфликты обычай или криминальные структуры. «По существу, – говорят Б.Капустин и И.Клямкин, – речь идет в этом случае не о свободе, а об индивидуальном своеволии». Этот «нелиберальный индивидуализм»⁷⁰ является результатом трансформации «советского» сознания, связанной с отказом от уравнительного потребления. Данный тип сознания, сформировавшийся уже в 70-е годы, особенно важен с точки зрения видения будущего России. Если он будет эволюционировать в сторону либерального сознания, что для авторов отнюдь не очевидно, в России сформируется либеральное общество, а если он продолжит развиваться «на собственной основе», ее ждут десятилетия криминального беспредела.

Менее всего распространено либеральное сознание. В России существуют две его версии – либерализм экономический и социальный. «Экономический либерализм», внешне похожий на «нелиберальный индивидуализм», из всех либеральных ценностей отдает предпочтение частной собственности, а «социальный либерализм» – индивидуальной свободе. Этот внутренний раскол либерализма проявляется и на политическом уровне.

Идеология российского либерализма была сформулирована группой публицистов, ученых и чиновников, работающих в правительстве и занимающихся непосредственно экономической реформой. В основе этой идеологии лозунг – «Меньше государства – больше рынка». Однако в период либеральных реформ «этатизм» как практика административного рынка не только не был ослаблен, он усилился, так что либеральные идеологи быстро пришли к выводу, что в стране с антилиберальными традициями необходи-

⁷⁰ Капустин Б., Клямкин И. Либеральные ценности // Сознание россиян // Полис. 1994. №1. С. 74.

мо сильное, хотя ограниченное государство. Таким образом либеральный миф превратился в миф просвещенного этатизма.

Поскольку похожую эволюцию прошли и другие идеологии (коммунизм, национализм), можно думать, что практика административного рынка оказалась фактором, модифицирующим любые идеологические конструкции. Без нее все идеологии теряют смысл и перспективу. Это относится равным образом и к формирующейся идеологии новой российской элиты, которая, скорее всего, будет облекаться в разнородные, эклектичные и часто фантастические формы либерализма, консерватизма, национализма и этатизма⁷¹. Укоренение идеологий в структуре советского пространства вызывает их далеко идущую трансформацию, и в этом не всегда повинен административный рынок.

В российских условиях единственным субъектом либеральных действий могут быть институты, а не личности. Именно поэтому там родился «либерализм институтов». Очевидно, что в ситуации советского пространства идеология начинает жить собственной жизнью, часто теряя свой первоначальный смысл⁷².

По сути дела подобное направление эволюции общественно-го сознания, кажется, предвидят исследователи феномена российской религиозности. Д.Фурман, комментируя российские социологические исследования, приходит к выводу, что «религиозное возрождение России» мало правдоподобно. Фактически в обществе доминирует «религиозная неопределенность», которую можно назвать «открытым, адогматичным, свободным мировоззрением» или «духовным эклектизмом и энтропией». Можно даже говорить, по его мнению, о системе «блуждающих идей», которые соединяются самым причудливым образом, например, православие и вера в реинкарнацию. Доминирующую мораль также можно определить как «гибкую, адогматичную, ситуационную» или «пассивную, размытую, неопределенную». Эти рассуждения приводят Д.Фурмана к выводу: «нового тоталитаризма скорее всего не будет, ибо для него нужны как раз честные и беззаветно преданные людей, появления которых в сколь-нибудь заметных количествах не предвидится.. Но и демократия будет какая-то странная, не похожая на те образцы, которые были у наших демократов в 1991 г.»⁷³.

Эклектика в сфере сознания и духовности не может привести ни к открытому обществу, ни и к обществу тоталитарному. Идеальный хаос хорошо отражает сегодняшнее состояние нового административного рынка. Наверное, дальнейшая эволюция этого рынка, особенно в сфере отношений с государством, наметит направление политического развития России. Перед Россией появился ряд проблем, касающихся, например, усиления конкуренции в экономике, прочности и стабильности новой олигархической системы, а также роли интеллектуальной элиты. Принципиальная проблема – разре-

⁷¹ См.: Фадин А. Россия в «кольце идеологий»: поиски государственной идеи // Дружба народов. 1994. №1. С.183.

⁷² См.: Казанский В. Идеологемы... С. 467.

⁷³ Фурман Д. Верующие, атеисты и прочие. Новое исследование российской религиозности // Свободная мысль. 1997. №1. С. 90.

шение антиномии модернизация – деградация. Обнаружившаяся в результате распада советского пространства множественность смыслов содержит в себе широкую гамму возможных направлений развития. Как представляется, принципиальная альтернатива состоит в выборе между «хорошим» и «дурным» синтезом множества разрозненных смыслов. Все исследования происходящих в России процессов в сущности упираются в вопрос о социально предсказуемых условиях синтеза. Актуализация политических идей наступит в ситуации, значительно отличающейся от обстоятельств, в которых они родились. На постмодернистском карнавале идей важны, однако, не идеи, а Россия.

Основная «работа культуры», писали Ю.Лотман и Б.Успенский, состоит в неустанной структурной организации мира, который окружает человека¹⁴. Для российской культуры характерна «работа» в рамках противостояния «космос – хаос», «эктропия – энтропия», «упорядоченный – неупорядоченный». Уникальный опыт современной эпохи состоит в том, что на наших глазах культура превращает сегодняшний хаос в завтрашний порядок.

¹⁴ Lotman, J.,
Uspienski A. O
semiotycznym mech-
anizmie kultury //
Semiotyka kultury.
W-wa. 1977. S.149.